

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-155-163>

УДК 821.111+82.091

ББК 83.07

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. А.Ю. Стрыгин
г. Калининград, Россия

LXVII СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЭМЫ А. ТЕННИСОНА «IN MEMORIAM» И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В.В. НАБОКОВА

Аннотация: Перевод LXVII стихотворения поэмы А. Теннисона «In Memoriam» рассматривается в контексте общей рецепции Теннисона в творчестве Набокова. Раскрывается специфика этого перевода в рамках взглядов Набокова на теорию стиховедения и на перевод. Найдены упоминания английского поэта в прозе и публикациях Набокова. Перевод Набокова сопоставляется с англоязычным оригиналом, а также с переводами Д.Л. Михаловского и Н.М. Минского; описываются трансформации, использованные переводчиками; показаны различия выбранных ими стратегий. Ямбическая структура анализируемого стихотворения Теннисона осмысливается в контексте позднего переводческого опыта Набокова, получившего теоретическое обоснование в комментарии к переводу «Евгения Онегина». В статье утверждается, что подход Набокова к переводу поэзии Теннисона отличался от методов, использованных им для перевода прозы в тот период, а набоковский текст отмечен стремлением адекватно воспроизвести содержательно-формальные особенности английского стихотворения. Перевод фрагмента из «In Memoriam» является началом пути Набокова от «адаптаций», имитирующих и трансформирующих оригиналы, к полному переводческому буквализму.

Ключевые слова: Набоков, Теннисон, «In Memoriam», перевод, адаптация, рецепция, комментарий к «Евгению Онегину», размер, «скад».

Информация об авторе: Артем Юрьевич Стрыгин — аспирант, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3759-4485>

E-mail: artem1134th@gmail.com

Дата поступления статьи: 14.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 29.07.2022

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Стрыгин А.Ю. LXVII стихотворение поэмы А. Теннисона «In Memoriam» и его роль в формировании переводческой стратегии В.В. Набокова // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 155–163.

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-155-163>

23 мая 1926 г. парижский журнал «Звено» публикует перевод LXVII стихотворения поэмы «In Memoriam» А. Теннисона («Вот лунный луч блеснул на одеяле...») автор-

ства Владимира Владимировича Набокова [12, с. 369–370]. По утверждению Б. Бойда перевод был выполнен в январе 1923 г. Перед этим Набоков переживает потерю родной страны, вынужденную эмиграцию в Берлин и смерть отца, застреленного террористами в 1922 г. Тогда это стало самым тяжелым эмоциональным опытом для Набокова и причиной его депрессии: «Мне подчас так тяжело, что чуть не схожу с ума, — а нужно скрывать. Есть вещи, есть чувства, которых никто никогда не узнает» — писал он матери в те месяцы [7, с. 88]. В конце года его ждала еще одна утрата: родители невесты Набокова, Светланы Зиверт, расторгли заключенную менее чем полгода назад помолвку. Если датировка Бойда соответствует действительности, то именно тогда Набоков и переводил Теннисона¹.

Поэтический цикл А. Теннисона «In Memoriam A.N.H.» посвящен его другу юности, Артуру Генри Хэллему, с которым поэт познакомился во время учебы в Кембридже в 1829 г. А.Г. Хэллем умер в 1833 г., в возрасте двадцати двух лет. В 1850 г. Теннисон заканчивает посвященную другу поэму «In Memoriam», состоящую из 133 стихотворений, в которых глубокое художественное осмысление представлений о человеке и вселенной связано с утратой близкого человека [4, с. 39]. Концепт утраты как сложнейшего переплетения реальности и воспоминаний впоследствии становится одним из центральных в поздней набоковской прозе. Бойд отмечает: «Ни одна тема не станет более специфически набоковской, чем тот нелепейший факт, что нам не дано сохранить реально пережитое нами прошлое» [7, с. 113]. Набоковские персонажи (Синеусов и Себастьян Найт, Хью Персон и Пнин, Ада и Ван Вин) пытаются заглянуть «через темное стекло смерти», познать природу «потусторонности», достичь метафизического прозрения [13]. Перевод Набоковым стихотворения из «In Memoriam» благопритствует пониманию метафизического дискурса набоковских текстов.

Для более полного понимания поэзии Теннисона в рецепции Набокова необходимо учитывать контекст упоминаний английского поэта в текстах русского писателя. В художественной прозе Набокова Теннисон появляется два раза: в романах «Pale Fire» («Бледное пламя», 1962 г.) и «Look at the Harlequins!» («Смотри на арлекинов!», 1974 г.). В «Бледном пламени» профессор Кинбот представляет «In Memoriam» как поэму, спорящую со сборником Альфреда Хаусмана «The Shropshire Lad» за «право зваться высшим <...> достижением английской поэзии за сотню лет» [8, с. 74]. Метатекстовая природа произведения позволяет говорить лишь о пародийной биографичности романа, но некоторые детали литературных предпочтений Чарльза Кинбота отражают личный опыт автора. Это касается и упоминания Хаусмана, одного из любимых писателей Набокова в кембриджский период [10].

Теннисон упоминается в схожем контексте в романе «Смотри на арлекинов!». Главный герой, писатель Вадим Вадимович Н., в юности «читал — попарно и с неизменным глубоким трепетом — “Онегина” и “Отелло”, Тютчева и Теннисона, Браунинга и Блока» [13, с. 207]. Набоков неоднократно называл этих авторов среди важнейших для себя в молодости, а также обращался к ним как переводчик: Пушкина и Тютчева он переводил на английский, а Шекспира — на русский [9]. Можно сразу отметить, что найденные упоминания Теннисона иллюстрируют тенденцию Набокова наделять своих персонажей читательским опытом, похожим на авторский. Пародийная автобиографичность является одной из ключевых характеристик поздней набоковской прозы

¹ «За три оставшиеся недели января <...> сделал несколько переводов из Теннисона, из Байрона, Лэма и Мюссе» [7, с. 92].

на английском, при этом для его героев типично также осознание собственной нереальности, ощущение двойственности бытия. Вадим Вадимович из романа «Смотри на арлекинов!» так описывает эту экзистенциальную проблему: «...моя жизнь — это непохожий близнец, пародия, скверная версия жизни иного человека <...>. Я ощущал, как бес понукает меня подделываться под этого иного человека, под этого иного писателя» [13, с. 134].

Набоков также ссылается на произведения Теннисона в двух литературоведческих материалах: комментариях к переводу «Евгения Онегина» на английский язык (1964 г.) и эссе «A reply to my critics» («Ответ моим критикам», 1966 г.) [18, 19]. Перевод «Онегина» — поворотная точка в переводческой стратегии Набокова, ради достижения максимального переводческого буквализма в англоязычном тексте он отказывается от рифмы и ритма, но сопровождает перевод комментариями, многократно превышающими по длине текст романа в стихах [6, р. 87–131]. В разделе комментариев «Заметки о стихосложении» («Notes on prosody») он проводит «инвентаризацию» аналитического и терминологического аппарата, предназначенного для сравнительной характеристики русского и английского четырехстопного ямба. Набоков заключает, что русская просодия изучена достаточно, но нет «ни одной работы, в которой английский ямб <...> был бы систематизирован и описан на основе сравнительного литературоведения» [19, с. 448]. Набоков предпринимает попытку устранить этот пробел и обращается к примерам английского ямбического стиха, анализируя стопы с точки зрения сочетания словесного и метрического ударений, чтобы дать англоязычному читателю наиболее полное представление о ямбическом стихе в русской и английской литературе.

Классификацию возможных отклонений от «правильного» ямба Набоков осуществляет посредством новых авторских терминов. В его терминологии ключевым было понятие «scud» (в переводе «стремительное плавное движение», «скольжение») применительно к кораблям и облакам) [19, с. 451]. Это модуляция, при которой икт совпадает с безударным в речи односложным словом (или слабым слогом слова). Если при этом за ударной слабой долей следует безударная сильная, то это «tilted scud», наклонный скад. «Ложный спондей» возникает, когда словесное ударение есть и в слабой, и в сильной долях стопы (см. таблицу 1). Набоков счел противоречивыми и неточными уже существовавшие в русском и английском литературоведении термины, в том числе пиррихий и спондей, пеон («раеон»), «полуударение» (термин А. Белого), «ускорение» («acceleration»), «слабые места» («weak places»), «пропущенные ударения» («omitted stresses»), «инверсия словесного ударения» («inversion of stress»). Большинство примеров строк, содержащих «скады», Набоков берет из «In Memoriam», по его мнению, «лучшей работы» Теннисона [19, с. 452–462].

Для демонстрации аналитических возможностей своего терминологического аппарата Набоков проводит исследование с использованием метода количественных подсчетов, анализируя по пятьдесят строк из стихотворений двух русских и восьми английских поэтов, в том числе первые строки «In Memoriam». В них меньше всего отклонений от «правильного» ямба: лишь восемь из пятидесяти проанализированных строк поэмы содержат «скады», но Набоков уточняет, что выборка слишком мала, чтобы быть репрезентативной [19, с. 453]. Хотя он никак не комментирует критерии отбора произведений, все же нужно отметить, что в списке отсутствуют современные Набокову классики, но есть три ярких представителя викторианской поэзии (Теннисон, Мэтью Арнолд и Роберт Браунинг) [19, с. 461].

Типы слогов	Типы ямбической стопы
1. U (метрически безударный слог, на который не падает словесное ударение)	1. U ⊥ («правильный ямб»)
2. Ú (метрически безударный слог, на который падает словесное ударение)	2. U — («scud», «скад», «ложный пиррихий»)
3. — (икт, на который не падает словесное ударение)	3. Ú — («tilted scud», «наклоненный скад», «ложный хорей»)
4. ⊥ (икт, совпадающий со словесным ударением)	4. Ú ⊥ («ложный спондей»)

Таблица 1 — Модуляции ямбического стиха по В.В. Набокову
Table 1 — V. Nabokov's Terminology for Iambic Modulations

Некоторые аспекты переводческой деятельности Набокова исследованы достаточно широко, преимущественно в контексте билингвизма писателя [3, с. 104–105]. Тем не менее, его ранние переводы из английской поэзии еще не изучались так подробно, как выполненные в тот же период переводы прозы Льюиса Кэрролла и Ромена Роллана. Ю.В. Трубикина характеризует ранние переводы Набокова в целом как новаторские, а Д.Н. Жаткин ставит вопрос о необходимости более тщательного анализа литературоведческих и публицистических материалов Набокова «с целью выявления иных теннисоновских влияний» [2, с. 105; 6, р. 19].

Набоковский перевод LXVII стихотворения поэмы «In Memoriam» не был первым, на тот момент фрагмент уже перевели Д.Л. Михаловский в 1886 г. и Н.М. Минский в 1897 г. Три переводчика были представителями разных поколений Серебряного века, «продуктом» которого называл себя Набоков [20]. Михаловский понимал важность передачи как формы, так и содержания оригинального текста, но также мог использовать перевод для выражения собственных идей². Предсимволист-мистик Минский тоже не стремился к абсолютной буквальности, заявляя искренность и свободу от объективной истины как необходимые характеристики искусства [1, с. 129; 2].

Рассмотрим в сопоставлении переводы В.В. Набокова, Д.Л. Михаловского и Н.М. Минского с точки зрения трансформаций оригинала на уровне содержания, уделяя внимание некоторым важнейшим концептуально-стилистическим элементам. LXVII стихотворение поэмы «In Memoriam» наполнено мистическим мироощущением — лирического героя в ночи преследует образ гробницы любимого человека, приходящий к нему при виде лунного света. Важной составляющей стихотворения является образный ряд, через который раскрывается пейзаж: «By that broad water of the west» («у той широкой воды на западе»), «the mist is drawn / A lucid veil from coast to coast» («туман накинут, прозрачная вуаль от берега до берега»)³. Минский внимательно отнесся к переводу пейзажной образности, и даже добавил отсутствовавший в оригинале образ, выделяющийся на фоне преимущественно ахроматической колористики оригинала («Еще горит закат и кладбище румянит») [15]. В переводе Михаловского, напротив, пейзажная образность почти полностью отсутствует, а символом наступления нового дня вместо тумана становится утренняя звезда («Прокралась в мрачный храм денница») [16]. Набоков передает эти строки практически дословно, позволив

² «Михаловский <...> требовал воссоздания “жизни, которую проникнут подлинник”, осуждал переводческий буквализм Фета» [5, с. 172–173].

³ Для сравнения переводных текстов с оригиналом все рассматриваемые в статье фрагменты английского текста переведены на русский автором статьи.

себе лишь небольшие изменения («from coast to coast» трансформировано в «от края и до края»), опущено метафорическое представление тумана как «прозрачной вуали» [14, с. 369–370].

Игра лунного света — это ключевой образ стихотворения, связывающий лирического героя с местом упокоения его близкого друга словно «проводник» в потустороннюю реальность. Для описания лунных лучей используется комбинированный образ, включающий в себя олицетворение («As slowly steals a silver flame» — «Пока крадется серебряное пламя») и повторы слов «moonlight» и «glory». Последнее является вызовом для переводчика, поскольку помимо значений «свет», «сияние», «слава» и «великолепие», это также «глория» (оптический феномен, при котором на облаках или тумане можно увидеть цветные кольца света) и «слава Господня», теологический термин, описывающий форму полного присутствия Божества. Эта семантика сочетается с эпитетом «mystic» («мистический»), закрепляя «сверхъестественные» ассоциации образа «glory».

Набоков сохраняет многие компоненты образа света: в его переводе есть олицетворение и повтор («moonlight» превращается в анафорический «лунный луч»). Для перевода «glory» использованы однокоренные слова: «Бледно и дивно стены просияли / <...> / И вот сиянье плавное слабеет»). Наречие «дивно» при этом становится в переводе эквивалентом эпитета «mystic». Минский сохраняет повторы и олицетворение, использует для описания луча эпитет «таинственный»⁴. Интересно отметить, что Набоков и Минский детализировали олицетворение лунного света, но Набоков также добавляет сравнение («Там жизнь твою читает лунный свет: / Как перст скользит серебряное пламя»). В переводе Михаловского образ трансформируется разными способами («лучи», «свет лунный»), олицетворение и лексические повторы опускаются. Эпитет «mystic» переведен, но не является частью образа лунного света («Среди таинственных теней...»).

Визуализация образа гробницы в оригинале обеспечивается антитезой: «Thy marble bright in dark appears» («Твой мрамор ярко явится во мраке»). Теннисон упоминает также табличку с надписью⁵, которую в последнем катрене сравнивает с призраком: «like a ghost / Thy tablet glimmers to the dawn» («как призрак / Твоя табличка мерцает на заре»). Эта деталь сильнее сближает реальный мир с потусторонним, но частично сохранена лишь в переводе Михаловского («Виденьем бледным восстает / Все тот же призрак предо мною»). Набоков максимально близок к дословному переложению строк с описанием таблички («По буквам имени и числам лет»), но в его переводе опускается теннисоновская антитеза света и тьмы.

В таблице 2 дескриптивные возможности терминологии Набокова, введенной в комментариях к «Евгению Онегину», использованы нами для анализа первого катрена рассматриваемого стихотворения Теннисона. Символы возле строк соответствуют количеству и типу слогов в строке. В первой стопе первой строки слабый слог имеет словесное ударение; однако односложное слово «when» редко выделяется в речи, поэтому сам Набоков отнес его к «переходным и пограничным случаям», образующим «полускады», выявление которых в большей степени субъективно и, как правило, определяется контекстом. Вторая строка содержит классический пример «скада» («that in»,

⁴ «Скользит серебристый луч вдоль надписи твоей, / Читая письмена и числа. / Но луч таинственный померк...» [16].

⁵ «Along the letters of thy name, / And o'er the number of thy years» — «Вдоль букв твоего имени / И по числу твоих годов».

U —), состоящего из двух односложных слов: метрическое ударение падает на «in», но не совпадает со словесным. Вторая и третья стопы в третьей строке образуют сочетание из двух «скадов»: наклонного и обычного («broad water of», $\acute{U} \perp U \text{ —}$). Последняя строка содержит обычный «скад» («a glory on», $U \perp U \text{ —}$). Из-за слова «there», выделение которого словесным ударением зависит от контекста и интонации, к примерам «полускада» можно также отнести начало последней строки [19, с. 469–476].

When on my bed the moonlight falls,	$\acute{U} \text{ — } U \perp U \perp U \perp$
I know that in thy place of rest	$U \perp U \text{ — } U \perp U \perp$
By that broad water of the west,	$U \perp \acute{U} \perp U \text{ — } U \perp$
There comes a glory on the walls.	$U \perp U \perp U \text{ — } U \perp$

**Таблица 2 — Метрическое и словесное ударение
в первом катрене LXVII стихотворения поэмы «In Memoriam»
Table 2 — Metrical Stress and Word Accent
in the First Stanza of LXVII Canto from “In Memoriam”**

Рассмотрим оригинал и переводы LXVII стихотворения «In Memoriam» с точки зрения использованных размеров и схем рифмовки. Оригинальное стихотворение состоит из четырех катренов с опоясывающей рифмой, написанных четырехстопным ямбом, все строки оканчиваются мужскими клаузулами. Все переводы обнаруживают стремление к принципу эквилинеарности; количество и порядок строф идентичны первоисточнику, но каждый переводчик позволил себе отступить от схемы рифмовки оригинала. Михаловский для всех катренов использует модель А-В-А-В с женскими клаузулами в нечетных строках и мужскими — в четных. Минский тоже чередует мужские и женские клаузулы в каждом четверостишии, но при этом выделяет первый катрен опоясывающей рифмовкой, все остальные построены по перекрестной модели. Набоков сохраняет оригинальную модель А-В-В-А во всех четверостишиях, но меняет очередность клаузул: в первом и третьем катренах перевода мужские клаузулы обрамлены женскими, в то время как второе и четвертое четверостишия имеют противоположную модель.

Наиболее полной эквиритмичности добился Михаловский, сохранив четырехстопный ямб. Точное воспроизведение размера оригинала накладывает на переводчика ограничения, что отчасти объясняет отсутствие в этом переводе многих образов из англоязычного текста. Минский придерживается ямбического стиха, но отказывается от единства размера: два первых катрена перевода написаны разностопным метром, а в двух последних четверостишиях переводчик останавливается на шестистопном ямбе. Благодаря такому подходу перевод Минского точно передает содержание, но лишен формальной строгости оригинала. Набоков частично отклоняется от эквиритмичности, использовав для своего варианта перевода пятистопный ямб. Это переводческое решение позволило ему увеличить объем переводного текста с минимальным отклонением от структуры оригинала.

Позднее Набоков назовет «адаптациями» свои ранние переводы (в том числе из Тютчева, Шекспира, и, следуя той же логике, — Теннисона) противопоставляя им построчную точность перевода «Евгения Онегина» [6, р. 88]. Анализ перевода Набокова в контексте уже существовавших на тот момент переложений стихотворения

на русский язык показал, что все три перевода в разной степени отходят от буквализма, трансформируя различные элементы оригинала, и являются «адаптациями» в набоковском понимании. Тем не менее Набоков очень близко подошел к буквальной передаче концептуального содержания оригинала, добившись минимальных изменений образного ряда и структуры и сохранив ту диалектическую соотнесенность элементов произведения, которая создает его уникальную поэтичность. Стихотворение Теннисона было «адаптировано» Набоковым задолго до его перехода к предельному буквализму и подробным комментариям, но уже в этом переводе мы видим, как Набоков старается найти баланс между сохранением формальной структуры оригинала и адекватной передачей содержания. Работая со стихотворением Теннисона, он не позволил себе той вольности, которая характерна для прочих его переводов этого периода, например, стихотворений Руперта Брука или прозы Льюиса Кэрролла и Романа Роллана, где иноязычный текст осмысливается через культурную принадлежность и творческую индивидуальность Набокова [3, с. 110–111; 14, с. 17–20].

Многие произведения Набокова заводят читателя в «зеркальные лабиринты», где в текст не только «вплетаются» аллюзии реального мира, произведений настоящих и вымышленных писателей, но и различными способами обыгрывается биография самого автора. Это способ осмысления концептов памяти и времени, их взаимодействия с реальностью через призму литературы. Для биографии Кинбота и Вадима Вадимовича Н. из романа «Смотри на арлекинов!» упоминание Теннисона могло быть всего лишь способом вдохнуть жизнь в «допельгангеров», но мы согласны с Ю.В. Трубихиной, которая отмечает, что «для Набокова перевод — всегда повод для того, чтобы говорить о каких-то очень важных для него вещах, идеях об искусстве», «он может вырастать из какой-то необходимости преподавания текста» [17]. Перевод стихотворения из «In Memoriam» — не только дань уважения Набокова-читателя традициям викторианской поэзии, но и обращение писателя в тяжелый для него период к проблематике этого произведения, к осмыслению которой Набоков неоднократно возвращался в своей прозе.

Список литературы

Исследования

- 1 Дудко А.Э. Сонеты Байрона в переводе Н.М. Минского // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 128–132.
- 2 Жаткин Д.Н. «In Memoriam» Альфреда Теннисона в России: вопросы восприятия и изучения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 101–115. DOI 10.17223/19986645/36/8
- 3 Погребная Я.В. Динамика переводческой концепции В.В. Набокова: от вольного переложения к «Истинному» переводу // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 71. С. 104–112.
- 4 Соколова Н.И. Поэма А. Теннисона «In Memoriam»: «Божественная комедия» викторианцев // Филология и человек. 2006. № 1. С. 27–39.
- 5 Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2009. № 4. С. 172–176.
- 6 Trubikhina J. The translator's doubts: Vladimir Nabokov and the ambiguity of translation. Boston: Academic Studies Press, 2015. 248 p.

Источники

- 7 *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы: биография / пер. с англ. Г. Лапиной. М.: «Независимая газета»; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
- 8 *Набоков В.В.* Бледное пламя / пер. с англ. С. Ильина и А. Глебовской // *Набоков В.В.* Американский период. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 3. С. 293–550.
- 9 *Набоков В.В.* Другие Берега // *Набоков В.В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. 480 с.
- 10 *Набоков В.В.* Интервью журналу «Playboy», 1964 г. // Playboy. 1964, январь. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/02/24/vladimir-nabokov-playboy-interview/> (дата обращения: 18.03.21)
- 11 *Набоков В.В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / пер. с англ., под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1008 с.
- 12 *Набоков В.В.* Руперт Брук // Литературный альманах «Грани». 1922. Кн. 1. С. 212–231.
- 13 *Набоков В.В.* Смотри на арлекинов! / пер. с англ. С. Ильина // *Набоков В.В.* Американский период. Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 5. С. 98–313.
- 14 *Набоков В.В.* Стихотворения // СПб: Академический проект, 2002. 674 с.
- 15 *Теннисон А.* Памяти друга / пер. Н.М. Минского // Мир божий. 1897. № 4. С. 235.
- 16 *Теннисон А.* «In Memoriam» («Когда постель мою луна...») / пер. Д.Л. Михаловского // Живописное обозрение. 1886. № 29. С. 42.
- 17 *Трубихина Ю.В.* Strong Translations: Владимир Набоков как переводчик (интервью И. Толстому) // Радио Свобода. URL: https://d3q5fs3x9q5xli.cloudfront.net/a/27842300.html?utm_medium=otf&utm_campaign=proxy&utm_source=otf (дата обращения: 19.04.2021).
- 18 *Nabokov V.* Strong Opinions (1962–1972). N.Y.: McGraw-Hill, 1973. 225 p.
- 19 *Pushkin A.* Eugene Onegin: A Novel in Verse translated by V. Nabokov: in 4 vols. N.Y.: Bollingen Foundation. Vol. 3. P. 448–566.
- 20 *The Nabokov-Wilson Letters: Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson, 1940–1971 / ed. by S. Karlinsky.* N.Y.; L.: Harper & Row, 1979. 346 p.

***

© 2023. Artem Yu. Strygin
Kaliningrad, Russia

**67 CANTO FROM ALFRED TENNYSON'S "IN MEMORIAM"
AND ITS ROLE
IN THE DEVELOPMENT OF VLADIMIR NABOKOV'S TRANSLATION
STRATEGY**

Abstract: This paper examines 67 canto from Alfred Tennyson's "In Memoriam" translated to Russian by Vladimir Nabokov, as well as the reception of Tennyson's poetry in Nabokov's works. The key conceptual features of the translation are analyzed with consideration of the evolution of Nabokov's opinions on translation and literary

theory in general. The paper addresses mentions of Tennyson in Nabokov's prose and other publications in order to broaden the understanding of Nabokov's perspective. Nabokov's translation is compared to the original English text and to the translations by D.L. Mikhailovskii and N.M. Minskii. The study describes transformations and the differences between the strategies used by the translators. Nabokov's commentary on his translation of "Eugene Onegin" is taken into consideration when iambic structure of the English text is examined. The author has concluded that Nabokov's approach to the translation of Tennyson's poem is different from his work on translations of prose from the same period and is defined by translator's effort to reproduce both the imagery and the structure close to the original. This translation illustrates the early stage of Nabokov's path from translation as "adaptation", when the original is transformed in one way or another, to the literalism of "Eugene Onegin".

Keywords: Nabokov, Tennyson, "In Memoriam", Translation, Adaptation, Reception, Commentary on "Eugene Onegin", Meter, Scud.

Information about the author: Artem Yu. Strygin — Post-graduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Alexander Nevsky St. 14, 236041 Kaliningrad, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3759-4485>

E-mail: artem1134th@gmail.com

Received: July 14, 2021

Approved after reviewing: July 29, 2022

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Strygin, A.Yu. "67 Canto from Alfred Tennyson's 'In Memoriam' and its Role in the Development of Vladimir Nabokov's Translation Strategy." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 67, pp. 155–163. (In Russ.).

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-155-163>

References

- 1 Dudko, A.E. "Sonety Bairona v perevode N.M. Minskogo" ["Byron's sonnets translated by N.M. Minskii"]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 1, pp. 128–132. (In Russ.)
- 2 Zhatkin, D.N. "In Memoriam' Al'freda Tennisona v Rossii: voprosy vospriiatiia i izucheniiia" ["Alfred Tennyson's 'In Memoriam' in Russia: issues of reception and research"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 4 (36), 2015, pp. 101–115. DOI 10.17223/19986645/36/8 (In Russ.)
- 3 Pogrebnaia, Ia.V. "Dinamika perevodcheskoi kontseptsii V.V. Nabokova: ot vol'nogo pereozheniia k 'istinnomu' perevodu" ["The dynamics of V.V. Nabokov's concept of translation: from free adaptation to 'proper' translation"]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, no. 71, 2010, pp. 104–112. (In Russ.)
- 4 Sokolova, N.I. "Poema A. Tennisona 'In Memoriam': 'Bozhestvennaia komediia viktoriansev'" ["Alfred Tennyson's 'In Memoriam': 'The Divine Comedy' of the Victorian era"]. *Filologiya I chelovek*, no. 1, 2006, pp. 27–39. (In Russ.)
- 5 Chernin, V.K., Zhatkin, D.N. "Poeticheskii tsikl Al'freda Tennisona 'In Memoriam' v russkikh perevodakh XIX – nachala XX v." ["Russian translations of Alfred Tennyson's 'In Memoriam' in the 19–20 centuries"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia Russkaia filologiya*, no. 4, 2009, pp. 172–176. (In Russ.)
- 6 Trubikhina, Ju. *The Translator's Doubts: Vladimir Nabokov and the Ambiguity of Translation*. Boston, Academic Studies Press, 2015. 248 p. (In English)